

"Правда" 31 МАР 1982.

К 100-летию со дня рождения
К. И. Чуковского

ЧЕЛОВЕК С КРЫЛАТОЙ ДУШОЙ

В нашей стране, где слова «Все лучшее — детям» давно стали своего рода законом, детство — как яркий, красочный ковер: какое многоцветие нитей вплетено в его простые узоры!..

Вспоминаю свое детство — начало тридцатых годов. Черный репродуктор на стене, увлекательные детские передачи, журнал «Чиж», который передает почтальон в мои нетерпеливые руки, песня «Эх, хорошо в стране советской жижи», которая детское, неокрепшее сознание уже наполняет радостным ощущением причастности к делам взрослых. И еще — книги...

Ах, как же не отделены в детстве эмоции от разума! Никакого конфликта нет между ними. И убежавшее одеяло, и грозный Мойдодыр, и злонамеренный крокодил, проглотивший солнце, и веселая мушинная свадьба, и устращающий Бармалей — все это убедительно, реально, страшно до замирания духа. И, как солнечный зайчик, — легко и весело.

В пестром ковре детства моего поколения — да, пожалуй, и всех последующих! — стихотворчество Корнея Чуковского — одна из самых ярких, переливчатых нитей.

Сам Корней Иванович рассказывал, что написал свои первые детские стихи случайно, стараясь отвлечь от боли заболевшего сына. Кто-то из критиков утверждал, что

детская поэзия Корнея Чуковского родилась из пародий. Но ведь в сущности безразлично, по какому внешнему поводу проявился талант. Важно, что он все-таки себя обнаружил и обрел плоть — этот удивительный талант детского поэта, способного с помощью звонких стихов зарядить весельем или заставить проникнуться состраданием юного слушателя, уверить его в том, что совсем рядом существуют самые невероятные чудеса.

Эти скачущие ритмы, эти неожиданные рифмы, забавные повороты сюжета — как можно все это сочинить? Нет, сочинить нельзя! Можно только чутким — нет, сверхчутким ухом! — даже не так, сверхчутким душевным слухом услышать все это, подслушать у самих детей, у самой природы. Душевный ритм Чуковского, внутренняя музыка его строк совпадала с ритмом играющего ребенка, творящего песню, как говорится, на ходу, с ритмом скачущего воробья, тенькающей синицы, весеннего дождя, полетом камешка, пущенного детской рукой по речной глади... Слова в детских стихах Чуковского — это не просто слова. Они — точно люди, у них — свои характеры. Стихи его не гладки, не обтекаемы, как того частично требуют от детской поэзии. Но сколько раз мы убеждались в том, что гладкопись противопоставлена любому искусству и поэзия для

детей — вовсе не исключение.

Нет ничего удивительного в том, что у Корнея Чуковского в области детской поэзии не появилось эпигонов. «Под Чуковского» ничего не создано: все попытки оказывались мертворожденными. Славя присущего ему чистопробного благородства и гуманизма с детски-простодушным, жизнеутверждающим звонким ритмом его стихов оказалось невозможным подделать. Слово «неподражаемый» в применении к Корнею Чуковскому обрело свой буквальный смысл.

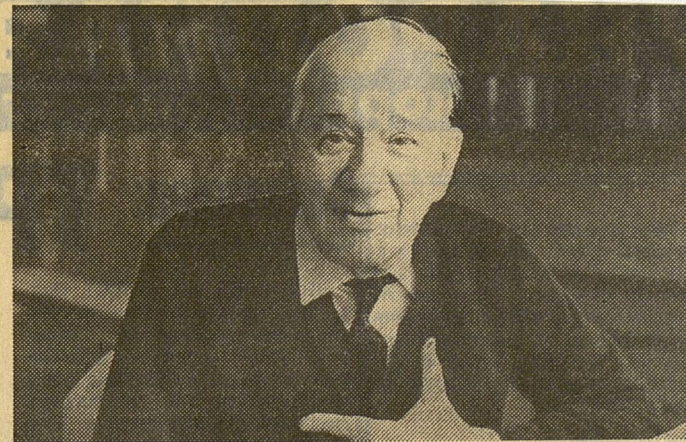
Интересно, что и сейчас, проработав в детской поэзии около двадцати пяти лет, стихи Чуковского я воспринимаю сначала как в детстве — «Милый, добрый Айболит, он полечит зайньку» или «Урал Молодец, доблестный комарик!» — и только потом включается в чтение и оценку стихов мое взрослое профессиональное сознание. Когда называют имя Чуковского, почему-то думаешь о нем прежде всего как о детском писателе. Может быть, оттого, что у нас в стране такое огромное внимание уделяется миру детской литературы, а Чуковский в нем — это целый материк!

Иногда слышатся сожаления: «Вот бы Чуковский оставался только в детской литературе. Сколько бы он еще сделал». Да нет же, нет! Чуковский сделал все в детской литературе. Его наследие в этой области полно:

стихотворное, прозаическое, теоретическое.

Порой кажется, что, кроме объективно существующего времени как формы последовательной смены явлений, событий, есть у человека еще какое-то внутреннее, собственное время. Или, может, это вовсе и не время, а называешь так его просто по привычке. Скажем иначе: это — умение «успевать» за стремительной действительностью. Чуковский «успевал»! Пока один бредет по тропинке, ведущей через поле (в том числе, и поле деятельности), другой бежит, а третий и вовсе летит над этим полем, куда как быстро перекрывая любые расстояния. У Чуковского была поистине крылатая душа. Поэтому он успел, пройдя творческий путь детского писателя, полностью реализовавшись в этой области искусства, сделаться еще, например, и блистательным переводчиком.

Крылья души перенесли его на это попрание, а свойственный ему артистизм, живой дар перевоплощения, позволил успешно выполнить все задуманное. Дети получили «из его рук» и «Тому Сойера», и «Принца и нищего», а русская поэзия — Уолта Уитмена. Не просто американского поэта, а — его, Чуковского, Уитмена. Книга переводов в окончательной редакции так и называется «Мой Уитмен». Личность Чуковского была одарена такой потенцией общения с миром, сознание его

настолько не было замкнуто «узким кругом», что «мой» тут же сразу и выносилось как бы на улицу — к людям. Глаза поэта-переводчика Чуковского можно сравнить с увеличительным стеклом: разглядел Уитмена, перевел, и Уитмен сразу стал всем виден. И вот уже беспредельно широкая, сильного накала чувств поэзия Уитмена живет, звучит, пульсирует в доступной для нас всех близости.

А крылатая душа Корнея Ивановича Чуковского, преодолев и это немалое пространство, устремляется к новым волшебствам перевоплощения. Детский поэт и талантливый переводчик становится теоретиком — литературоведом, серьезным исследователем творчества великого русского поэта-демократа Н. А. Некрасова. В 1962 году капитальный труд Чуковского «Мастерство Некрасова» заслуженно удостоивается Ленинской премии.

А крылья несут его вперед и вперед. И вот уже возникает книга мемуаров «Современники», и еще — книга «Живой как жизнь», посвященная драгоценному нашему богатству — русскому

языку. И публикуется, обогащенное материалом и раздумьями, сегодня уже двадцать первое по счету издание уникальной книги-исследования детства «От двух до пяти». И мы, читатели, становимся духовно богаче, потому что Корней Иванович Чуковский все эти богатства создал и подарил своему народу, внес неоценимый вклад в сокровищницу отечественной культуры.

Чуковскому исполнилось бы в этом году сто лет. Целый век! Но деятельная, крылатая душа поэта, можно считать, прожила несколько веков, так щедр и многогранен был его писательский талант...

А дети рождаются — каждую минуту сотни! — приходят в мир, и снова и снова любой из них вновь радуется доброте доктора Айболита, отваге маленького воробышка, рыцарству комара. И мало-помалу крепнут их души, дети взрослеют, мужают, готовятся к серьезной и прекрасной жизни нашего коммунистического завтра. А мир детства, который создавал для них и талант Корнея Чуковского, остается с ними.

Ирина ТОКМАКОВА.